

ИЛЬЯ ДМИТРИЕВ

О П А С Н А Я Г Р И М У Б О Р Н А Я

Один на сцене и в жизни

Актёрская гримуборная в драмтеатре. Они бывают разные, иногда и откровенно ущербные. Но эта приличная, её можно назвать комфортабельной. В ней — три гримировальных столика, один из которых обихожённый: на нём и стуле близ него — какие-то вещи... А два других — пустенькие и одинокие. Из ретрансляционного репродуктора слышны крики «браво», щедрые аплодисменты. Открывается дверь, появляется человек. Его почти не видно из-за многочисленных букетов, которые он едва удерживает в руках. Войдя внутрь гримёрки, человек с трудом закрывает и запирает (!) за собой дверь, тяжело присаживается на банкетку и некоторое время сидит неподвижно, как бы растворившись в звуках репродуктора. На нём костюм Ричарда Третьего: артист только что отыграл премьеру этой трагедии Шекспира... Наконец, он раздражённо встаёт, подходит к репродуктору и протягивает руку, намереваясь выключить его, но вдруг оттуда раздаётся голос:

« Пётр Палыч!.. Пожалуйста, на сцену!.. Зрители не расходятся, ждут Вас!.. Пётр Палыч, и зрители, и Ваши коллеги — все очень просят...»

ОН (резко выключая репродуктор). Ой, пошли вы все!!.. А дальше — тишина-а-а... Вот оно — счастье!.. То, что сперва ублажает, потом начнёт раздражать — кто это сказал? Хорошо сказано. Только уже не раздражает, а бесит! Всему предел есть. Но они ни в чём не виноваты. А я в чём виноват?.. В том, что постарел? В том, что от нервной системы остались оборванные ниточки? В том, что всё чаще разговариваю сам с собой?.. А чё, я, собственно, с детства бубню сам с собой. Мама даже таскала меня к врачу: дескать, у ребёнка отклонения — слышен его голос, когда дитё одно в комнате... Помню толстую бабу. В белоснежном халате она казалась ещё более жирной. Но, видать, была умная! Сказала матушке, мол, это иногда бывает. Ребёнок таким образом лучше усваивает свою мысль, у него будет хорошая речь... Ха! Вот и пошёл в артисты. Мой театральный педагог однажды заявил во всеуслышание, перед нашим курсом: «Петро обладает от природы убедительной речью. Знает об этом и умеет этим пользоваться.» Эх, я тогда возгордился до раздувания!.. Лучший ученик — извольте любить и жаловать!.. Прошли годы. Я уж, помню, первое звание получил, а он состарился напрочь, но ясность ума ещё как сохранил!.. Спрашиваю, помнит ли мэтр о том, как публично похвалил мою дикцию — в смысле, речь... Но такого (!) ответа прям никак не мог ожидать: «Ты, оказывается, даже не понял подвоха. Под речью я тогда имел в виду... враньё. Ты обладаешь от природы убедительным враньём. Врёшь — не краснеешь. Не обижайся, для нашей профессии такое весьма неплохо.» И это был ещё один подвох, а мне и крыть-то нечем.

Слышен стук в дверь. Он поворачивает голову к двери, но не отвечает. Стук повторяется.

Я вам чё — Леопольд, что ли?! Не выйду!.. И пусть буду подлый трус!.. 2.
Кровь у меня пошла — одновременно из носа да из жопы! Дайте спокойно
подохнуть!!

Больше стук не возобновляется.

Усвоили пару фраз... А я тонны текста усваиваю, не только мысли. За столько лет работы в театре равных мне в этом не было и нет! Фотографическая память! Ею могут похвастаться единицы... Господи! Но клянусь тебе, что в тот день, когда в памяти обнаружится первый провал, я покину сцену незамедлительно! Не хочу быть ущербным. Не хочу быть смешным и жалким. И не буду.

Говоря это, он неспешно двигается вперёд... И вдруг ахает от изумления.

Вы!.. Опять вы. Везде — и там, и здесь. Но там вы беспокойные — шумливые, крикливые... А здесь — терракотовое войско. Только не стоячее, а сидячее. Там я вас не боюсь: я владею вами! И кре-е-епко владею. Держать зал умею — что дано, то дано. Актёрская школа у меня — так себе... До всего своим умом доходил. И дошёл!.. Я — ваш хозяин. Но это — там. А здесь... я боюсь вас. Боюсь каким-то религиозным страхом. Как-будто передо мной гербарий из иконок. Вы безмолвствуете, во всём со мной соглашаетесь... Или молчание — не всегда знак согласия?.. Вы — моя совесть? Да-а — и совесть, и присяжные, и свидетели, и судьи, и сторонние наблюдатели-зеваки... Кто угодно. Но не друзья. Не любимые. Не родители. Не дети. Родства меж нами нет и не будет никогда. Мы чужие — это нужно понимать изначально. Но я вас очень ценю. За что? За вседоступность. Здесь вы всегда со мной, вам не нужно ни в буфет, ни в туалет. Здесь нет ни дня, ни ночи, ни законов, ни жанров. Вы слушаете меня предельно внимательно — когда мне угодно и сколько угодно... Пожалуйста, я могу назвать вас моими господами, коль уж признался в своём страхе перед вашими сущностями. Но один щелчок пальцами — и всё изменится, я буду воспринимать вас неким огромным... унитазом, куда артист и человек многодозно сливает свои душевные фекалии. А вам — терпеть, молчать и слушать... Там, на большой сцене, я произношу слова, написанные автором. А иной раз авторами сочиняется такая хрень, что глазоньки б не читали да губоньки б не лепетали! Особенно в современных пьесах... Так и хочется спросить, с позволения сказать, драматурга: какие-такие движения души подвигли тебя к эдакому бреду?! Ты, нешто, пьяный был, когда писал такое?! Или обкуренный?! А мы, режиссёры и артисты, вынуждены кумекать: как бы так нам изгребнуться-изошриться, чтобы авторская шизятина выглядела более-менее удобоваримо. Но ведь говно-то хоть сахаром посыпай, хоть шоколадной глазурью поливай — оно было и останется говном, и трюфелем ему не стать. Так нет же — ставят

антипрофессиональщину! Пыхтят-пердят-мучаются, а ставят. Авторы 3. гонорары гребут, мы ваши аплодисменты срываем... А в душе-то — горечь. Не только морды могут морщиться. Души тоже. И до такой степени морщатся, что сами себе не рады становятся... Но это — там. А здесь хозяин положения — Я! И только я. Всесильный батюшка барин. Царь. Если хотите,.. бог. Здесь рождается только мой эксклюзивный текст. Это мои слова, идущие от сердца, от души, от плоти, от языка, от губ... Здесь у меня нет ограничений. Здесь не может быть цензуры. И слово «говно» вылетает из моего рта абсолютно комфортно. Могу и матом ввернуть... Ну, поговорим? Без мата. Хоть и не слышу ваших голосов, я чувствую, как вы отвечаете мне. Энергетически... Соглашайтесь. Спорьте. Осуждайте. Отвергайте. Только будьте искренни... Неискренность обрыдла. Сколько можно жить под индексами «якобы» да «псевдо»?!. Однажды продавщица в магазине послала меня... в жопу. Да-да. Вот так вот — элементарно, бесхитростно и конкретно. Я сперва дико взбеленился, в голове уже попёрли сценарии социальной мести, но потом вдруг зажглась искорка здоровой мысли: а ведь эта бабёночка в несвежем халатике явила по отношению ко мне... первородную российскую искренность! Так зачем же обижаться?! Напротив, это нужно поощрить! А чем? Разумеется, юмором. Знаете, что я ей ответил? Помню дословно: «В жопу?.. Да в ней же темно и воняет. Что ж я там буду делать?..» Она сначала опешила, а потом вдруг ка-ак расхохочется!.. И я засмеялся. Другие покупатели глядели на нас, как на двух пациентов психушки!.. А закончилось всё тем, что мы с этой женщиной мирно познакомились и теперь с удовольствием общаемся, когда я захожу в этот магазин... Пора уж и нам познакомиться. Меня зовут Петей. Пётр. За возрастом — Пётр Павлович. На сцене этого театра служу много-много лет. Артисты издавна говорят не «работать», а именно «служить» - «служить на театре». Я — Народный артист, лауреат двух Государственных премий, Почётный гражданин города. Ныне считаюсь самым уважаемым артистом на этих подмостках. К моему юбилею поставили «Ричарда Третьего». Раньше я мечтал его играть, и наш главный режиссёр знал об этом. О своём решении ставить «Ричарда» он заявил с такой помпой, как-будто дарит мне квартиру! Вроде того, Вы хотели — нате! Свершилось! Дождались! Смакуйте и будьте благодарны... А я уж... давно не хочу. Не перегорел, а просто перехотел. Нет желания участвовать в жестоких постановках. Телевизор включишь — почти везде сплошное насилие. Кровь, кровь, кровь... Выстрелы, взрывы, слёзы, безумные взоры... И никакого предела этому нет... Я в том возрасте, когда актуальны материалы о непреходящем. Ах, как хочется играть про любовь! Ну, пусть уже не про плотскую. Про вечную, общечеловеческую... Где же такие пьесы? Старые давно сыграны. Упорно ждёшь чего-то новенького, но подпихивают невесть что. Недавно бежит наша завлитша — едва не сшибла меня, аж захлёбывается, сердешная: Пётр Палыч, ух-ах, Пётр Палыч!.. Вы должны

это прочесть! Свежайшая пьеса! Она взяла гран-при на каком-то там 4.
«тугодрищенском» конкурсе!.. Но её ещё нигде не ставили — наш театр будет первым! А главная роль — это ж просто затяжной оргазм! Она выписана именно на Вас! Я, когда читала, чуть с ума не сошла... А есть ли, с чего сходить-то?!.. Всучила мне пачку листов. Мой взор сразу упал на название. Читаю: «КОФЕ С ЛИМОНОМ ДЛЯ СТАРОГО ПЕДЕРАСТА»... И не знай, что шибче — заинтригован или обескуражен... Ну, ладно. Завлитша хоть от природы и тупиздень кукурузная, но, всё ж, человек добрый, искренний, ко мне относится с животрепещущим уважением. Надо и мне её, голубушку, уважить. Беру пьесу домой. «Наслаждаюсь» до глубокой ночи. Огро-о-омная — под сотню листов! Как сейчас говорят, беспонто-о-овая!.. Старый богатый извращенец мемуарничает перед молодёжью на предмет своих былых гомосексуальных походов и при этом всю дороженьку хлещет кофе с лимоном... Что это?! О чём это?! Кому это?! Зачем это?!.. Какие там гран-при на конкурсах, а тем паче, постановки?! Уж и не знаю, для коих дачных сортиров сгодится бумага, осквернённая подобным опусом... На следующий день прихожу в театр с намерением сказать моей милой даме твёрдое «нет». Просто «нет» и всё. Безо всяких там оценок, объяснений-растолковываний. А то, глядишь, в раж-то войду — могу и обидеть женщину, а это негоже... Так она сама нарвалась! Первая взяла меня в оборот и заявляет: я, мол, подозреваю, что Вы будете протестовать против самого названия этой пьесы, но мы, чуть-чего, можем его изменить, чтобы не было так претенциозно... Тут-то из меня и выперла ядовитая струйка. Отвечаю ей: дескать, конечно! Следует поменять «КОФЕ С ЛИМОНОМ ДЛЯ СТАРОГО ПЕДЕРАСТА» на «ЧАЙ С МОЛОКОМ ДЛЯ ЮНОЙ ЛЕСБИЯНКИ»... А завлитша, видать, благородными драмами и трагедиями вскормлена, у неё с юмором чё-т не алё... И такая у бедненькой мордуленция сотворилась, будто она лимоны без кофе употребляла. Причём, ящик!.. А что в результате? Я же и виноватый остался. Она теперь будет ныть, что я-де для него напрягаюсь, пьесы выискиваю, а старый мудель ни хренушеньки не волокёт в современной драматургии, и вот сто Шекспиров ему в задницу, чтоб я когда ещё для него старалась! Да пошёл бы он к... Чехову на чашку чаю!.. Девочка ты моя расторопная! А что толку тебе для меня стараться, коль у нас вкусы разные?.. Вообще не разумею, как тебе могло понравиться то, что ты мне предложила. Увидев подобное название, я и читать дальше не стал бы. А ты прочла, потратила время да ещё и пришла в животный восторг! О чём это говорит? О различии наших с тобой ценностей. Должность твоя в театре называется «заведующий литературной частью». Так что ж тебе литературой-то не заведется?! Или её нынче нету? Есть! Просто нужно быть избирательнее в поиске. А ты вляпываешься в графоманские извращения, кайфуя от них взором и нутром!.. Да мало ли что пишется?! Безумцев много. Валяются горы пьес, которые никогда и нигде не идут... Не идут. (Оглядывается на дверь)

Больше не идут за мной. Зна-а-ают мой характер! Нужно уметь отрезать — 5. время экономится. Хвостик щенку рубят один раз, а не по кусочкам. А чего ходить? Пьянка всё равно завтра будет, после второй премьеры. О-о-о!.. Ещё на завтра надо где-то силушки набраться! Устал... Возраст? Я его не ощущаю. Просто не хочу. Нет априорного стремления выходить на сцену... Неужели я это произношу?! Думал ли я, предполагал ли, что когда-нибудь в моей голове возникнут ЭДАКИЕ МЫСЛИ?! И ведь это уже не в первый раз. Ещё в прошлом сезоне, перед началом другого спектакля, мне вдруг захотелось выдать в зал ужасную отсебятину. Чуть не произнёс: люди, я работаю для вас многие десятилетия! Был молод — выходил на сцену и с недомоганиями, и с болями, и с температурой под сорок, даже с вывихнутой ногой, на которую едва мог наступать... А сейчас у меня ничего не болит — я просто... постарел, давление, знаете ли, скачет. Нет ни рвения, ни сил, чтобы работать спектакль. А можно, я пойду домой, люди? В кассе вам вернут деньги за билеты. Ну, отпустите меня! Пожалуйста!.. Слава боженьке, профессионализм пересилил! Я глубоко вздохнул и начал свою роль. Но тот «звоночек» запомнил с ужасом! Эх и тревогу ощутил!.. Испугался не на шутку. Уразумел, что одним сигнальчиком это не ограничится. Пробьют и полноценные набаты!.. Если б это слышал мой Василь-Иваныч!..

Он буквально бросается к одному из одиноких гримировальных столиков. Петру Павловичу кажется, что зеркало как-то озаряется и становится уже чем-то иным.

Василь-Иваныч!.. Сказать, что мне тебя не хватает — это не то, что ничего не сказать, а вообще ни о чём и не подумать.

ГОЛОС. Привет, Петька.

ОН (Шарахается назад, не веря глазам и ушам). М-м-м!!!...

ГОЛОС. Чё мычишь-то? Зубки растерял? С дикцией хреново стало?

ОН. Василь-Иваныч?! Ты?!

ГОЛОС. Нет, я Джульетта.

ОН. Ты... там, в зеркале?!

ГОЛОС. Это ты видишь меня в зеркале. Есть два способа, чтобы умершие пообщались с живыми — сны и зеркала. Ещё — водная гладь, но это уж совсем редко и некачественно.

ОН. Как я... Как же я по тебе...

ГОЛОС. Ой, вот не надо!.. Не по мне тоскуешь ты, Петька. Разве нынешним днём я тебе нужен? Мне бы сейчас было-то... девяносто семь лет. И на кой я тебе сдался — дребезжащий старикашка, воняющий ссаньём?!.. Ты тоскуешь по своей юности. Признайся! Хочешь туда?

ОН. А кто ж не хочет?

ГОЛОС. А-а!.. Научился-таки правду говорить — уже хорошо... Правильно — там у тебя была гладкая рожа, юркая фигурка и... БУДУЩЕЕ! Вот там я тебе и был нужен — опытный артист, взявший юнца под крылышко... 6.

Думаешь, я не видел, что на характер ты говнище?!

ОН. Я?!

ГОЛОС. Я тоже. Но не до такой степени, как ты. И все эти годы...

ОН (Перебивая) И все эти годы после твоей смерти ты оставался... тут?

ГОЛОС. Скажем так, я мог быть здесь, когда хотел.

ОН. И мог поговорить со мной?

ГОЛОС. А вот это — не всегда. Объяснить такое трудно... Бывают моменты, откровения. Ты вслух произнёс моё имя, обратился к месту, где я частенько сживал... Что-то распахнулось.

ОН. Надолго?

ГОЛОС. Неизвестно.

ОН. Я сегодня сыграл Ричарда. Ты был в зале?

ГОЛОС. Туда мне дороги нет... На сцену я иногда пробирался. Ночью. Когда всё пусто и тихо.

ОН. Тебе до сих пор важна сцена?

ГОЛОС. Её запах!.. Патологический коктейль из пыли, пота, грима, парфюма, слёз, восторгов, интриг... Но ощущать запахи я уже не могу.

ОН. А что можешь?

ГОЛОС. Видеть, слышать. Куда реже — общаться.

ОН. Там, где ты сейчас находишься, тебе хорошо?

ГОЛОС. Покойно... А тебе здесь хорошо?

ОН. Как же ответить?..

ГОЛОС. Ответь честно, Петька! Ну, дай себе труд выразиться коротко и однозначно.

ОН. Мне здесь... плохо.

ГОЛОС. Умница!.. Давай разбираться — почему. Чё, ролей нету?

ОН. Есть. Четыре названия. Все роли — главные.

ГОЛОС. Так что ж? Мало?

ОН. Для артиста моего возраста вполне достаточно.

ГОЛОС. Более, чем. Так что же, Петька?

ОН. Я, видать, изработался.

ГОЛОС. Знакомое дело.

ОН. Считаешь, это в порядке вещей?

ГОЛОС. Всё в нашей жизни рано или поздно заканчивается — работа, отношения, здоровье... Абсолютно всё, исключений нету. И вот когда что-то завершилось, нужно иметь здравую голову, чтобы сказать себе: в этом упражнении я уже отдыхаю. Мол, раньше это было в моей жизни, а теперь улетучилось.

ОН. Я не хочу выходить на сцену.

ГОЛОС. Устрой себе отдых.

ОН. Я совсем не хочу, понимаешь?.. Вообще!

ГОЛОС. Серьёзное заявление. Думаешь уйти из театра?..

ОН. На пенсию надеяться — глупо, а на одни сбережения — тем более не проживу.

ГОЛОС. Тогда работай. Пусть и без удовольствия. Ты ж не мешки таскаешь.

ОН. Ох и мучительно без движения души...

ГОЛОС. Так трудятся очень многие — пыхтят на не то что нелюбимых, а на ненавистных работах!.. Это, конечно, плохо, но порой выбора нету. Или есть, но он не устраивает. Артисты не исключение. Например, наша Анка. Кстати, как она?

ОН. Старее потихоньку... А ведь какая красotka была!

ГОЛОС. Не спорю. Но без особого таланта.

ОН. Просто ею никто толком не занимался. Артиста в театре, как и в кино, надо ВЫДЕЛЫВАТЬ — мне ли говорить и тебе ли слушать?.. Его нужно пестовать, холить и лелеять. Она просто не пошла в гору — и всё.

ГОЛОС. Скажи проще — не дала.

ОН. Да, в молодости это бывает и решающим фактором. Не знаю, жалеет она о тех днях или нет.

ГОЛОС. Тогдашний главреж Паяльников был уж дюже... мордомерзкий! Чтоб удрюпаться с ним в койку, нужно было позариться на несметные сокровища, коих не наблюдалось. И Анку я от всей души оправдываю. Но видишь, осталась в театре... Что она сейчас играет?

ОН. Так.., всякую лобуду.

ГОЛОС. И, поди, молчит?

ОН. Она в кулисах всегда молчит.

ГОЛОС. Ты не молчал. И гораздо большего достиг. Но теперь вы друг от друга недалече. Вам обоим деваться некуда — работать надо. Ей — на «кушать подано», тебе — на главных ролях (пока). Вот и работай, чтоб доработался до Фирса в «Вишнёвом саде». И не смей ныть!

ОН. А какая у нас тройка была!.. Василь-Иваныч, Петька да Анка! Над нами потешались все. И завидовали: мы ж тащили на себе репертуар. Я ведь был влюблён в Анку.

ГОЛОС. По-театральному. Это бойко выглядело влюблённостью, но не являлось таковой по сути. У тебя горели зенки, ты размахивал руками, голосил положенную чушь, скакал подле Анки... Но любил только себя.

ОН. Неправда.

ГОЛОС. Правда-правда. Ферзёвое положение в театре — вот что всегда было для тебя на первом месте!.. Я не влезу в твои чувства, Петруша: эмоциональная сфера для посторонних недосягаема. Но я видел твои поступки! Видел ясно. Ты был способен на эффектный жест. Только красоту своих действий безвкусно выпячивал: глядите все! Вон ведь на что я горазд! Могу режиссёра в ресторан позвать да всю зарплату на него просадить. Но это ж не просто так! И ты хотел, чтобы все об этом знали.

Пусть шушукаются, пусть говорят обо мне, ненаглядном! Нужно быть на 8.

кончиках язычков, будоражить воображение окружающих.

ОН. Я производил такое впечатление?!

ГОЛОС. Производил. И разве только на меня?

ОН. А если оно было ошибочным?

ГОЛОС. А какая разница?.. Одно дело — что ты сам чувствуешь и думаешь про себя, совсем иное дело — как тебя воспринимают люди, а это может диаметрально разниться. Твои поступки производили (допустим, на меня) впечатление, что ты карьерист и приспособленец.

ОН. Но ты же дружил со мной!

ГОЛОС. А я не выискивал себе в друзья праведников. Передо мною мельтешил юноша, достаточно способный, амбициозный... Он откровенно подмазывался ко мне, что естественно: искал опоры в рабочих стенах. А почему я должен был его отвергать?.. Сильно сомневаюсь, что театр допустимо называть храмом. Даже искусства. Здесь живой народ со своим мёдом и вонью...

ОН. Ты сам привёл меня в эту гримёрку.

ГОЛОС. А разве не полезно иметь рядом с собой юнца? Он поможет, поддержит и физически, и духовно. В конце концов, его всегда реально послать и за пивком, и на три буквы... Никакого вреда кроме пользы, особенно если ты с ним в одной профессии. Видишь — я тоже не херувимчик. При жизни поступал с выгодой для себя, с каким-то дальним прицелом. Как все. Но подлых поступков за собой не припомню.

ОН. Это укор?

ГОЛОС. Конечно. Разве не подлый поступок — проголосовать (тайно!) за то, чтобы старого артиста вышибли из театра?! Может быть, подберёшь иное прилагательное?

ОН. Результаты голосования ты знать не мог.

ГОЛОС. Впрямую — да, не мог. Но мне помогло то, что ты некудышный артист в жизни. На сцене хороший, а вне театра — увольте. Так обычно и бывает: элементарно не хватает энергии на то и другое одновременно — ты смотришься либо на сцене, либо в быту... Щёчки-то у тебя тогда покраснелись, глазёнки не знали куда деться от стыда. Неужели ты думаешь, что я этого не вычислил?!.. Заставили?

ОН. Кое-что пообещали.

ГОЛОС. Роль?

ОН. Прибавку.

ГОЛОС. Всё предельно просто. Ты смекнул: Чапай уже наработался, ему на печку пора, а мне надо улучшений добиваться. Петька даже не предал, а просто продал Чапая.

ОН. И не простишь?

ГОЛОС. Нет. Понять вполне могу, зла тебе не желаю. Но простить такое — не выйдет! Даже после смерти.

ОН. Любая религия глаголит, что надо прощать.

ГОЛОС. Тут каждый сам решает, что простить, а что нет.

ОН. Так мне и доживать свой век, не прощённым тобой?

ГОЛОС. Ты спокойно живёшь с этим. Мало ли, с какими камнями в душе люди живут... И помрёшь в свой срок с этим же.

ОН. А тебе известен мой срок?

ГОЛОС. Нет. Я же не бог.

ОН. А он есть?

ГОЛОС. Ну-у!.. Попёрло! У человека есть то, во что он сам верит. Верить в бога, в любовь — они обязательно присутствуют в твоей жизни. Не веришь — гуляй себе... Искусственно вызвать веру не получится.

ОН. Ты ещё долго можешь со мной... общаться?

ГОЛОС. Пока я тебе не надоем, или ты мне.

ОН. Почти, как в жизни?

ГОЛОС. Совсем, как в ней.

ОН. Ты всё про меня ведаешь?

ГОЛОС. Многое.

ОН. Жив ли мой сынок — знаешь?

ГОЛОС. !

ОН. Так знаешь или нет?!

ГОЛОС. На то была не моя воля... Считай, что это твой крест.

ОН. Получается, наказание?

ГОЛОС. Чистой воды.

ОН. За что?!

ГОЛОС. За эгоцентризм!.. Ты же напрочь выбросил четырёхлетнего малыша из своего отцовского внимания, когда в парке к тебе подошла твоя поклонница. Я всё помню! А что помнишь ты?

ОН. Виталик забежал за дерево... Он часто заигрывал со мной подобным образом. И тот момент отлично запечатлелся в моей памяти: хитрые глазёнки, улыбка... За старым дубом он спрятался, дожидаясь, когда я начну его звать. Появилась эта... чертовка! Эх, если бы не она..!

ГОЛОС. Только не спихивай вину на «чертовку»!.. Понятненькое дельце, это ахти как удобно — притянуть козочку отпущения, и пусть-ка она будет виновата... Не-ет, дружок-с! Это нерадивый папаша виноват, что отпрыск остался без глаза. Актёришке надо было потешить своё тщеславие! Вот и стал он перед бабёнкой хвост распускать.

ОН. Всего-то пару минут...

ГОЛОС. Ни за что не поверю!!.. Тем более, зная тебя. Самое меньшее — полчаса. Она твоему величеству дифирамбы во всю глотку артикулировала, а ты делал всё, чтобы продлить эту психомастурбацию!.. Допродлевался.

ОН. Куда ж Виталечка мог подеваться-то?!.. Тридцать один год прошёл, а он мне до сих пор снится, представляешь!.. И совсем крошкой, в пелёночках, 10.

и подростком: вроде того, мчится на доске с колёсами... И в армию я его провожал, потом встречал... И даже у него на свадьбе гулял. Потом, будто сижу я в зале театра, а на сцене — он. Один. Красиво одет, на него яркий прожектор светит, в руках — букеты... словно яркие романтические фильмы смотрел — всё в красках, в реальных звуках. А как проснусь — плачу... Что за судьба ему уготована?! Как же я любил его!..

ГОЛОС. Облом-с. Иллюзия-с... Не малыша ты любил, а свои тщеславные ощущения, связанные с ним. Вот и видишь его на сцене.. А как же?!

Наследничек Народного артиста! Он обязан сверкать на этой же стезе, дабы потрафить папочке... Сны — это работа подсознания, Петенька. Было бы странно, если бы во сне ты увидел сына землекопом, с лопатой в руках.

ОН. А ты жесток, Василь-Иваныч! Что при жизни, что в роли призрака.

ГОЛОС. Момент! Никаких ролей давно нету. И я не призрак.

ОН. А кто же тогда?

ГОЛОС. Я, опять-таки, - твоё подсознание... Жестоким никогда не был. Просто говорил правду... Вернёмся к твоему сыну. Сейчас ты действительно любишь... ПАМЯТЬ о нём. И вот здесь углядывается твоя роль убитого горем папаши. Ведь за твоей спинкой до сих пор плачутся: «О-ой, у Петра-то Палыча много лет назад маленький сыночек бесследно исчез в парке — украли малыша. Наверное, педофил надругался да жизни лишил. Или на органы употребили мальчика: отчаявшиеся родители, тем более богатенькие, на всё пойдут ради своего больного чада, а то, мож, и бизнес такой был на широкую ногу поставлен. Уж вся милиция бегала-бегала, искала-искала — толку никакого... А потом он овдовел, остался совсем один, если не считать мерзкого шелудивого кота, такого же себялюбца, как и его хозяин... Это жизнь, полностью отданная театру! Так пусть же многострадальный Пётр Палыч почаще и подольше выходит на сцену, а то ведь как спроводят его на пенсию — так он часом и загнётся от тоски...»

ОН. Замолчи-и-и!..

ГОЛОС. Ага!.. Начинаю надоедать?!

ОН. И говоришь, мол, не жестокий ты... Ещё какой жестокий!

ГОЛОС. Хорошо. Я докажу тебе обратное. Могу просветлить твои воспоминания о Виталике... Жив он! ЖИВ!

ОН. Что?!.. Жив?!

ГОЛОС. Да. Потому что ты веришь в это.

ОН. Ты уверен?

ГОЛОС. Обрисую коротко, и вопросов на эту тему больше не задавай... Мальчика действительно украли. Сначала он попал в плохие руки, но потом его спасли добрые люди. Там было всё сложно и запутанно... Сейчас он молодой мужчина, ему тридцать пять лет, живёт в Германии, не бедствует. У него другое имя, он женат, есть сын — твой внук. К театру эта семья не имеет отношения.

11.

ОН. Я сейчас сознание потеряю...

ГОЛОС. На здоровье.

ОН. Ещё... только один вопрос!

ГОЛОС. Твой вопрос мне известен — возможно ли связаться с сыном?

ОН. Конечно!

ГОЛОС. Вопрос — на вопрос: о чьём благе ты печёшься?

ОН. О нашем с ним.

ГОЛОС. Хренушки! О своём и только... Это У ТЕБЯ стихийно возник благородный порыв... Разыщу, мол, сына, паду ему в белы ноженьки, наконец-то сниму с себя гнетущее чувство вины и, того гляди, обрету родственную поддержку на седые виски. А кто подумает о его интересах, эгоцентрист?!

ОН. Неужели же он не захочет увидеть своего отца?!

ГОЛОС. Какого своего?.. Наверняка он и слыхом не слыхивал о тебе.

Воспитан другими людьми, если не государством. Сомневаюсь, что знает родной язык, будучи давным давно не Виталиком... А тут, как с горы на лыжах, объявляется стареющий российский субъект: будьте-нате — я Ваш тятя!.. И что этот якобы папаша привносит в бытие сегодняшнего немца? Сумятицу. Душевный «геморрой». А его не заказывали.

ОН. Стало быть, не сообщишь мне адрес?

ГОЛОС. С тебя достаточно известия о его благополучии. И так чуть сознание не потерял.

ОН. Лучше б ты не говорил.

ГОЛОС. Завтра обо всём забудешь. Главное — вера в то, что сын жив!

ОН. Я устал от тебя.

ГОЛОС. Иди домой — кто мешает?

ОН. Не хочу домой: там пусто, никто не ждёт.

ГОЛОС. Как не сты-ы-ыдно?.. Кот тебя ждёт — божья тварь. Он хоть и препротивнейший, но другого у тебя нету, Петрушка.

ОН. Я хоть как-то смогу вымолить у тебя прощение?

ГОЛОС. Коль так уж важно услышать саму эту фразу, то, хрен с ним — пусть она прозвучит: «Я прощаю тебя». Ну, полегчало?

ОН. Не особенно.

ГОЛОС. Тут я бессилен... Ой, да если б только от меня тебе прощеньица ждать!

ОН. Ты о Толе?!..

ГОЛОС. И о нём.

ОН. Не надо!!.. Его тоже давно нет, и пусть мёртвые остаются мёртвыми.

ГОЛОС. Если бы Толя оставался для тебя мёртвым, за его столиком сейчас не сидел бы юный Саша, правда?.. На моём месте сиживали многие. А вот за Толин столик — только с твоего дозволения, точнее, по твоей личной

инициативе.

ОН. Саша мне дорог, словно сын.

ГОЛОС. Понимаю. Ты как бы омолаживаешься рядом с ним. Зачем слушать дребезжание ровесников?.. И ладно ещё на театральные темы. А то ведь как начнут про болячки: да у меня давление, да у меня таблетки... У собачки глисты, у кошки непроходимость, а сосед мудака, а жена, дура, из дому гонит... Разве не приятнее общество юноши, у которого ещё всё впереди, который говорит о хорошем, возвышенном, полезном, наконец, сексуальном?..

Присоседился к нему — и, вроде, сам такой же... Ты тоже был мне типа сына. Как и Толя.

ОН. Обязательно нужно говорить о нём со мной?!

ГОЛОС. Совсем не обязательно. А вот тебе... хорошо бы в последний раз пообщаться с ним.

ОН. Нет в этом моей вины!!..

ГОЛОС. Чего так орёшь? На воре шапка горит? Я и не думал про чью-то вину.

ОН. Чувствую, что подводишь к ней!

ГОЛОС. А ты ведь сидишь на этой вине, Петюнчик... Конечно, так не считаешь, но заметно, что...

ОН. Он сам ушёл из жизни!

ГОЛОС. Не спорю. Но то состояние, в котором Толик находился незадолго до трагедии, в большой мере спровоцировано твою... ЗАВИСТЬ!

ОН. Зависть чему?!

ГОЛОС. Таланту, цветик ты мой. Чужому таланту... Бог даёт его людям разными порциями. Кому-то — чайную ложечку, иному — столовую... стакан, кружку, ведро, бочку!.. Можно сказать, что у тебя — целая бочка. Но тогда у Толи — цистерна! Обширное талантохранилище!.. И собой ладен, и морда голливудская, и спеть-сплясать — пожалуйста, и на гитаре, и стихи писал — хоть сейчас публикуй!.. Ты в пару с ним сыграл три роли. И всякий раз Толя был убедительнее тебя. Нет, ты хорошо работал, очень хорошо. Но Толя — лучше, ярче. И об этом все говорили. А почему он выглядел качественнее тебя?.. Потому что в плюс к талантам боженька отвалил ему воз обаяния! Только взглянешь на него — и рот открывался от умиления. Красоту, то есть, внешний вид, можно «настрогать»: прикид продуманный, грим толковый... Профессионализм тоже нарабатывается, особенно если вкалываешь с утра до ночи. Иной раз за хорошей техникой скрывают карликовый талант и вполне успешно существуют в театре долгие годы. Но вот... ОБАЯНИЕ! Не-е-етушки, ребятушки, его ничем и никогда не наработаешь. Обаяние — и человеческое, и сценическое — оно либо дарится свыше, либо нет. И если талант, говорят, - божья искра, в таком случае, обаяние — божье откровение! Пусть иногда и в форме шутки... Зрители умилялись Толей как артистом, а девки как парнем — буквально поленьями

укладывались под ноги.

ОН. Но ему-то они были не нужны...

ГОЛОС. А вот это уж дело не твоё!.. Восторженные юные поклонницы — на нашем жаргоне «хлопушки» - нужны молодому артисту, прежде всего, в социальном плане! Спит он с ними или не спит — это к профессии не относится. Король должен быть окружён фаворитками... И вообще, откуда нам знать — что другому человеку нужно, а что нет?

ОН. Но все же знали и судачили...

ГОЛОС. Что знали?!.. В театре всегда говорят — и на сцене, и в кулисах. На то он и театр — говорибельное место. Но что, собственно, могли знать? Свечки, что ль, в руках держали? Объективы?.. Копание в личной жизни индивидуума — вот первейшая характеристика всех тоталитарных режимов! Нужно залезть в чужой унитаз, в карман, в койку... Своей грязной задницы мало — давайте нюхать соседскую — глядишь, докажем, что она ещё тухлее нашей! И уж тем более, когда это выгодно.

ОН. Выгодно кому?

ГОЛОС. Тебе, милый, тебе... Если б Толя был слабенький артист, разве это беспокоило бы тебя? Ты являл бы дружелюбие и никогда не противился вашей с ним очерёдности на одной роли. Действительно, с какой стати?.. Заранее известно, что ты будешь лучшим — первый состав! А он тихо-спокойно продублирует тебя во втором составе и , что самое главное, всегда удержит рот на замке, не обнаруживая претензий. Это называется «внутритеатральная политика». Так всегда было, есть и будет, пока существует репертуарный театр... Но наблюдался совсем иной вариант, правда? Анатолий был круче Петра.

ОН. Это ты так считаешь.

ГОЛОС. Важно, что так считал... ты. А то вёл бы себя иначе. Зачем рядом нужен наимоощнейший конкурент?! Ему — и внимание, и цветы, и аплодисменты... Его нужно устранить. Но как? Убить — проблематично. По профессии никак не подкопаешься — там полный порядок... Похоже, есть «форточка» - родная актёрская слабость — алкоголь... Пробовал спаивать.

ОН. А он не отказывался, и мы вместе...

ГОЛОС. Какого лешего-то — вместе?!.. Причём, именно в такое время, чтобы, с прицелом, сорвать Тольке репетицию или спектакль!.. Ты не навязывался к нему с бутылкой в выходной день, нет! Подкатывал именно в рабочие моменты, чтобы потом светонуть видимость благородства и заменить забухавшего товарища... Но не прокатывало, и Толик не срывал ни репетиции, ни спектакли... А вот когда тебя хулиганы откоммуниздили и обокрали в тёмном дворе (считай, бог наказал), не кто иной, как Толик, носил тебе продукты и вместе с твоей мамой сидел у постели. Но это — так, не в тему... Ты пошёл по его личной жизни. Не грубо, не грязными сапожищами — крадучись, почти незаметно... И там, может быть, тёмные пятнышки

обнаружились, которые есть у каждого... Вот и давай культивировать их! 14. Безжалостно. Беспощадно. Да, человеку будет нервно, неприятно, больно... Но мы же встали на позицию закона — той «драконовской» статьи Уголовного кодекса! Ну и кто же аморален — он или мы?!

ОН. Я был в контексте общего мнения.

ГОЛОС. Ибо тебе это было на руку.

ОН. Да!.. Признаю. Но пока существует репертуарный театр, жить в нём иначе — не представляется возможным.

ГОЛОС. У меня получалось, Петька.

ОН. А тебе конкурентов не было, Василь-Иваныч.

ГОЛОС. Были. До твоего прихода... Но я никого не подсиживал. Просто работал и с интересом наблюдал за теми, кто равен мне, кто слабее или сильнее. «Истинный талант всегда радуется успехам своих коллег» - ФАИНА РАНЕВСКАЯ... И я радовался. По-настоящему!

ОН. Выходит, я – талант не истинный.

ГОЛОС. Не мне резюмировать. Ты изначально тщеславен, и от этого никуда не деться. А Толя был вне тщеславия. Вне! Он служил театру, жил и радовался жизни.

ОН. Я по-человечески любил его.

ГОЛОС. А его нельзя было не любить, такого душечку... При этом, из-за своей любви ты не пошёл к нему на похороны?

ОН. Был болен... Температурил. А вечером того дня ещё надо было на сцену выходить.

ГОЛОС. Это четвертинка правды. Теперь давай половинку. Ну!

ОН. Я, так сказать, похоронофоб. Ну не переношу это зрелище и слышаще!.. Потом несколько дней валяюсь — душевно болею. Родители мои, а позже супруга - тут уж совсем безысходка — конечно, хоронил их. А так — желаю запомнить человека живым и улыбочивым. Вид его в гробу меня угнетает, просто унижает!.. Тем паче, если этот человек достаточно много значил для меня... Я ведь и тебя, Василь-Иваныч, не провожал. Могилу потом несколько раз навещал.

ГОЛОС. Видал... Прокрадывался ты ко мне втихаря, в одно рыльце, с жиденьким букетиком. Ни единого словца на моей могилке не произнёс. Не хотелось? А может, не могло?.. Минут пяток постоял, букетик в земличку воткнул да был таков.

ОН. Зато теперь говорю с тобой.

ГОЛОС. И то дело... А на полную правду отважишься, Петька?.. И так, почему ты не был на похоронах Анатолия? ПРАВДУ!

ОН. Не мог.

ГОЛОС. Отважься на это существительное. Оно не длинное и всё объясняет.

ОН. Совесть.

ГОЛОС. Поздравляю.

ОН. Получаешь удовольствие от того, что мучаешь меня? 15.

ГОЛОС. Я уже не могу испытывать никаких удовольствий. К сожалению...

Но за тебя радуюсь: наконец-то, говоришь правду, ну хоть самому себе.

ОН. А я ведь тогда уже и чёрный костюм у приятеля одолжил — специально, чтобы пойти проводить Тольку в последний путь. И не смог. Погулял в этом костюме по улицам — и домой вернулся. Помню, напился вечером... И до-о-олго не мог свыкнуться с мыслью, что его нет.

ГОЛОС. Особенно долго ты не мог находиться в этой гримёрке один, да?

ОН. О-ой!!.. Это был вообще кошмар какой-то!.. Затаскивал сюда кого-никого — лишь бы жив человек рядом был... А ты наблюдал за мной?

ГОЛОС. Бывало... Ты являл жалкий вид, честно-то говоря... Но мне думалось о профессии: какую б тебе поддержку подкинуть, чтобы нервы твои в форму пришли да не стал ты менее качественным артистом!.. Анка от тебя не отдалилась — честь ей и хвала! Настоящий друг. Почему она до сих пор без звания?

ОН. Ну... это ж не от меня зависит.

ГОЛОС. Впрямую — нет. Но ты же мог поспособствовать!.. Хотя бы «Заслуженную» она за все эти годы заработала. Ты, Петенька, ничегошеньки не делал для других — только для себя.

ОН. Режиссёры не видели в ней достаточно крупную актрису, достойную звания.

ГОЛОС. Режиссёры, директора, прочее начальство да вельможи... Как лихо ты всё списываешь на их волю! Поставил бы себе цель: Анка должна получить звание. И попёр бы рогом!.. Ты ж это умеешь. Просто не хочешь: а зачем напрягаться? Сам всё поимел, авторитет у тебя непререкаемый, на пенсию вскорости никто не выдристнет без твоего на то решения...

ОН. Знаешь, какое мне погоняло дали в театре?.. Каа.

ГОЛОС. Как?

ОН. Каа — удав из «Маугли». Намёк на возраст.

ГОЛОС. Лестно! Удав Каа — это мудрость и благородство, а не только старость. Помнишь, как он помогал Лягушонку?.. А ты?! Не оправдываешь, милоч, такое погоняло!

ОН. У меня Толя из головы не идёт... Он мне пару разочков грезился в утренней дрёме.

ГОЛОС. У тебя остались его фотографии?

ОН. Два снимка. На одном — только он, а на другом — мы четверо: Анка, ты, он и я — щёлкнулись на гастролях в Туле, помнишь?

ГОЛОС. Обе фотки сожги! Это порталычики... Тогда ему будет сложнее тебя беспокоить.

ОН. А если такое беспокойство мне не в тягость? Может быть, я хочу...

ГОЛОС. Хочешь... пообщаться с ним?

ОН. Не знаю...

ГОЛОС. Позови.

ОН. Что?..

ГОЛОС. Попробуй позвать его. Как позвал меня... Просто назови имя.

ОН. Думаешь, отзовется?

ГОЛОС. Петька, он уже давно здесь. Всё слышит.

ОН. И ты скрывал?!

ГОЛОС. Это его сущность. И его дело — обнаруживаться или нет. Не приглашали, не звали — чего ж навязываться? В зазеркальном мире почти так же, как здесь — каждый сам за себя — один из законов джунглей, если снова вспомнить «Маугли»... Решился? Позови.

Пётр Палыч далеко не сразу решается на такой поступок и долго глядится в зеркало другого одинокого столика.

ОН. Толя!.. Толечка, это я, Петя. Ответь мне, пожалуйста.

2 ГОЛОС. Отвечаю. Когда ты о чём-то просил, разве я отказывал, Петька?.. Здравствуй.

ОН. То-о-оля-я-я... (Плачет)

2 ГОЛОС. Ну-у, зачем размыкать-то?.. Я ждал, что ты выпалишь: привет, Фурманов!

ОН. Нет, не хочу. С твоей сутью эта кличка не ужилась.

2 ГОЛОС. А жаль. Мне нравилось. Собрался полный комплект: Василь-Иваныч, Петька, Анка и... Фурманов! Какой ещё театр мог этим похвастаться? Я ведь однажды на собрании забросил удочку насчёт постановки «Чапаева». В шутку, конечно. И меня никто всерьёз не воспринял.

ОН. Все слишком серьёзно воспринимали тебя, когда ты выходил на сцену: там тебе конкурентов не водилось! Это констатировало абсолютное большинство тех, у кого были глаза и уши.

2 ГОЛОС. Ах, как это поздно прозвучало!.. Не скрою, приятно. Василь-Иваныч говорит, что уже не получает удовольствий — лукавит... Хоть совсем чуток, но эмоциональные удовольствия мы получаем.

ОН. А единственный тогдашний способ тебя оборвать — это как-то унижить вне актёрства.

2 ГОЛОС. Тоже лестно. Стало быть, я что-то из себя представлял, если кто-то опасался моего возвышения... Возможность этого раздражала.

ОН. Некоторых это просто... сводило с ума.

2 ГОЛОС. У тебя — богатый опыт этих ощущений?

ОН. Они мучительные. И позже за них приходится здорово расплачиваться, особенно если не можешь договориться с совестью. Когда она молчит (или её вообще нету), тогда легче. Но уж если завыла волком — ни в какую норку не спрячешься.

2 ГОЛОС. Давай-ка попроще... Твои прошлые поступки и в отношении 17.

меня, и вообще — осуществлялись под диктовку театральной кухни. Она и сейчас мало изменилась. Какой же артист, придя в театр, захочет работать «на дальнем плане»?! Вспомни песенку: «Примеривать короны желающих полно! А колпак с бубенчиком — ну кому он нужен?!» Вот и прёт девочка в Джульетту, а мальчик...

ОН. В Ромео.

2 ГОЛОС. Нетушки. В Гамлета! На войне, как на войне, в театре — как в театре. Но негоже в твоём возрасте, стареющий Петька, сидеть на чувстве вины. Я давным-давно простил все твои негативные слова, которые произносил далеко не ты один. Всё сказано, всё сделано, все рюмки выпиты, все спектакли сыграны... Ах, нет. Ты ведь работаешь, у тебя впереди ещё много...

ОН. Считаешь?

2 ГОЛОС. Надеюсь. Ты пока востребован. Обидно только, что так и не стал преподавать. А ведь звали тебя! Не раз.

ОН. Будучи ведущим артистом, знаешь ли, тяжеловато было...

2 ГОЛОС. Многие ведущие артисты преподают с большим успехом. А тебе просто... лень. В преподавании надо заниматься другими судьбами. Это лишняя ответственность. А зачем она? Денег, вроде, хватало... На сегодняшний день другой жизни, кроме театра, у тебя уже нет и вряд ли будет. Так держись за неё! Пока можешь, сверкай!

ОН. Мне никогда так не сверкнуть, как тебе.

2 ГОЛОС. И не надо — как я. Ты давай — по-своему. Всё у тебя получается, будет получаться и впредь.

ОН. А ты и в гримёрке сверкал, не только в ролях... Человек, сверкающий от природы!

2 ГОЛОС. Вот и говорят, что такие недолго живут.

ОН. Зато ярко!.. Старшие зрители хорошо помнят тебя, рассказывают детям и внукам!

2 ГОЛОС. Ха-ха!.. Мол, настолько сверкающий артист был, что не выдержал собственного сверкания да в пустой гримёрке... удавился! Как поучительно! Так пусть молодёжь усваивает, что всё хорошо в строгую меру!

ОН. Смеёшься... Даже сейчас... Неизменно сверкаешь! И твой сверкающий палец с бриллиантовой печаткой помню, как сейчас.

2 ГОЛОС. Подарок мамы. Я никогда не забывал снимать его перед началом работы.

ОН. Кольцо потом осталось дома или... ушло с тобой в землю?

2 ГОЛОС. Ни то, ни другое.

ОН. Как понять?.. Потерял?! Украл?!
2 ГОЛОС. Ни третье, ни четвертое... Ха-ха! Как же тут с тобой не смеяться?

ОН. Колись! Или молчи.

2 ГОЛОС. Подсказываю... В нашем вертепе не наблюдалось

18. добросовестных уборщиц.

ОН. То есть..., оно... в театре?!

2 ГОЛОС. Вполне можно было хотя бы раз в году отодвигать мебель в гримуборных, промывать-протирать за ней... Тогда и обнаружилось бы кое-что интересненькое, не дешёвенькое!

ОН. В нашей гримёрке?!

2 ГОЛОС. Почему бы нет?.. Загляни за моё зеркальце.

Пётр Палыч выполняет рекомендацию.

Видишь, как всё просто!

ОН. Бо-о-оже мой!.. (В его руках оказывается перстень, сверкающий на зависть всем)

2 ГОЛОС. Я вбил сзади гвоздик, чтобы вешать всякое потайное... В мой последний вечер почему-то оставил там кольцо. Не думал о том, что кто-то найдёт его. Наверное, просто хотел остаться здесь, в этой золотой частичке.

ОН. Можно, я надену его?

2 ГОЛОС. Ты его нашёл. Хозяина давно нет. Оно твоё, Петь.

ОН. Чудо!

2 ГОЛОС. Не поленись почистить его, а то ведь столько времени прошло!..

Поди, потускнело.

ОН. Ничуть!.. Я не стану надевать его, когда нахожусь в театре. А то «старички» увидят — узнают. Будут вопросы.

2 ГОЛОС. Э-э-эх!.. Твоя старинная, ничем не выжигаемая черта: кто чё скажет, кто чё подумает... Не надоело?!.. Пусть возникают любые вопросы — ты что, обязан давать ответы?!

ОН. Ну, всё же, объяснить-то надо...

2 ГОЛОС. Кому надо?.. Тебе не надо. Но если уж так припечёт, - вариант первый: я подарил тебе кольцо перед самой гибелью. Все эти годы оно мирно лежало дома, а теперь вот захотелось надеть. Вариант второй: кольцо, что у тебя на пальце, просто похоже на кольцо Анатолия, но это не оно — а кто кинется доказывать обратное?.. Наконец, третий вариант — что называется, популярный: дескать, лезьте вы все поглубже в задницу и следите за своими перстнями, если они у вас есть! И вся пьеска.

ОН. Значит, носить в открытую?

2 ГОЛОС. В наглуую! Это теперь твоя вещь.

ОН. Буду носить!.. Сияет, как месяц!.. Ах, «Месяц...»! Как ты его пел под гитару!

2 ГОЛОС. А ты выучил слова и подтягивал мне.

ОН. Давай споём «Месяц красный»!.. Или ты не можешь?

2 ГОЛОС. Почему это «не могу»?!.. И звон гитары всегда со мной. Романс я назвал не «Месяц красный», а «Неспроста ты хмуришь брови». Текст помнишь?

ОН. По ходу вспомню.

2 ГОЛОС. Ну, поехали.

Они оба поют романс — кто-то получше, кто-то похуже.

Неспроста ты хмуришь брови -
Счастье нынче не зови...
Месяц красный — это к крови,
А совсем уж не к любви.
На войну ли собираться?
Или на дуэль — стреляться?
Иль... кинжала в грудь дожидаться?
Но совсем уж не к любви.

По бравадушке бывалой
Мне слезу не проронить...
Ты скажи-ка, месяц алый, -
Чем тебя посеребрить?
Жду-пожду любви безгрешной,
А не смерти неизбежной...
Месяц, ты ответь, сердешный, -
Чем тебя посеребрить?

Но не призовёшь к ответу
Месяц, что на небесах.
Серебра там вовсе нету -
Есть оно... в моих кудрях.
Чем богаты — тем и рады!
Есть и в старости услады.
Если ищешь серебра ты,
Есть оно в моих кудрях.

ОН. Когда ты поёшь, всем лучше помалкивать.

2 ГОЛОС. Я любил петь и один, и с кем-то... Когда люди поют вместе — это чистое единение! И когда танцуют — тоже!

ОН. Танцевал ты не хуже, чем пел.

2 ГОЛОС. Поклон... Но петь и танцевать одновременно — побаивался: дыхания не хватало. Это уж — к артистам оперетты.

ОН. Анатолий!! Почему ты наложил на себя руки, скотина такая?!!

2 ГОЛОС. Злишься... Твоя злость не проходит с годами.

ОН. Злюсь! И никак не могу постигнуть природу этой злости... Не отпускаешь ты меня. Ни в какую!

2 ГОЛОС. Ничего сложного. Я ушёл на пике. Был и остался

умозрительно лучше тебя. Твоя злость базируется на ревности.

ОН. Какая же теперь может быть ревность?..

2 ГОЛОС. К прошлому. Ты стареешь, а я нет. Я, вроде бы, остался в прошлом, но автоматически перескочил в твоё настоящее. Мне-то всё равно, а тебе дискомфортно.

ОН. А ты, под шумок-то, не ответил на вопрос. Почему принял решение внезапно уйти из жизни?

Пётр Палыч видит (или ему кажется), что откуда-то сверху к нему опускается... верёвка с петлёй на конце.

2 ГОЛОС. Ты говоришь о ней?

ОН. Зачем она здесь?!

2 ГОЛОС. Её, собственно, нет, Петя. В эти мгновения реализуются твои мысли. Позвал Василь-Иваныча — изволь. Обратился ко мне — на. Теперь вот... верёвка. Ты ж думал о ней, признайся!

ОН (Пододвигает стул, встаёт на него и просовывает голову в петлю). Какие... торжественные ощущения!!..

2 ГОЛОС. Сценичные, да?

ОН. Даже отдаёт чем-то историческим... Внутри — покорность, робости нет.

2 ГОЛОС. Петь, а что ещё есть? Продолжай анализировать.

ОН. Ни намёка на страх... В голове скачут картинки из былого, где-то на самом дне души разлилась лужица из жалости к себе.

2 ГОЛОС. А ещё?

ОН. Вроде бы, всё.

2 ГОЛОС. Или невнимателен, или нечестен... Настраиваешься на финальное действие?

ОН. Ты же сказал, что верёвки на самом деле нет.

2 ГОЛОС. А вдруг есть?!.. Не допускаешь мысли, что я обманул тебя?

ОН. Никогда не обманывал.

2 ГОЛОС. Всё бывает впервые... То, что сейчас происходит, - театрализация в чистом виде!

ГОЛОС. Я долго молчал, ребята, но теперь поддерживаю. Наичистейшая театрализация!.. И выглядишь ты, Петька, как-то дешёвенько. Ты не назвал главенствующее чувство, которое в этот миг тобой владеет — ПРЕВОСХОДСТВО! Я-де живой монумент, воздвигнутый во славу таланта! Пускай башка торчит в петле, но я же — на возвышении! Моя фигура выше всех, а вы смотрите и благоговейте! Я способен на такой видок, а вы нет. Захочу — через пару мгновений ногами опрокину стул да повисну эффектно... Не захочу — так и буду стоять, пока не опухну. А вы опухнете глядеть на мою мизансцену.

ОН. Это не превосходство.

2 ГОЛОС. А что же?

ОН. Вариант сценической работы.

ГОЛОС. Если не вариант начального сумасшествия... Тебе не доводилось играть самоубийц. А хотелось бы?.. Не обязательно виселица. Яд — это как-то по-бабски... Револьвер!.. Сильнее впечатляет.

2 ГОЛОС. Мне больше кинжал по нраву.

ГОЛОС. Тоже неплохо. Огонь — это больше для кино, хотя современными театральными средствами...

ОН. Когда роль по-настоящему выписана, отказываться грех.

2 ГОЛОС. Но тема самоубийства ошутимо привлекала тебя, иначе б ты не думал о верёвке.

ГОЛОС. А почему она тебя привлекала, Петя?.. Хотелось уравниваться со своим профессиональным конкурентом. Он смог, да ещё и в жизни! А я, мол, чем хуже?! Тоже смогу. Хотя бы на сцене. Хотя бы только здесь, в гримёрке, с воображаемыми зрителями.

ОН. Я смогу!!

Пётр Палыч уже собирается сделать движение ногой, дабы вышибить из-под себя стул, но обнаруживает, что петли на его шее... нет. Исчезла.

Нет... Верёвки нет?

2 ГОЛОС. И не было.

ГОЛОС. Зачем она тебе? Надо жить, Петька.

2 ГОЛОС. Слезай. Стульчик уж не свеж, не ровен час шандарахнесси почём зря!

ОН (Слезая). Вы так играете со мной?.. Но я ведь могу взять игру в свои руки.

ГОЛОС. Кто ж тебе не даёт? Хотя, никакой игры не наблюдается.

ОН. Я в третий раз задам вопрос, Толя. И не успокоюсь, пока не получу ответа... П О Ч Е М У ?

2 ГОЛОС. А если ответа не последует, что ты сделаешь?.. Объявишь бойкот? Прытко побежишь из гримёрки или вообще из театра?.. Аль поэффектнее, посценичнее — разобьёшь зеркала на наших столиках?.. Вот видишь — ничего. Какое бы с твоей стороны ни последовало действие, оно окажется... безрезультатным.

ОН. Тогда я... выброшу твоё кольцо!

2 ГОЛОС. Во-первых, дальнейшая судьба кольца мне абсолютно по фиг. Во-вторых, ты уверен, что оно есть?

ОН (Смотрит на свою руку). Вот — сверкает!

ГОЛОС. Верёвка-то пропала — будто вовсе не бывала.

2 ГОЛОС. А колечку отчего же не пропасть-то?

ГОЛОС. Сверкнуть и пустота может.

2 ГОЛОС. Ещё как может!.. Сверкающий вакуум — красивое понятие! 22.

ГОЛОС. Ни в чём нельзя быть уверенным.

2 ГОЛОС. Ни в чём!

ГОЛОС. Даже в самом себе.

2 ГОЛОС. Например, кажется, что ты на сцене, а...

ГОЛОС. А на самом деле ты... в гримёрке.

2 ГОЛОС. Кажется, что в гримёрке, а в действительности — дома, а там... кот с голоду сдох.

ГОЛОС. Кажется, что ты Народный артист, а на поверку — пожилой псих.

2 ГОЛОС. Кажется, что ты молод и полон сил...

ГОЛОС. А уже старик.

2 ГОЛОС. Или совсем круто: кажется, что сладко заснул,..

ГОЛОС. А в действительности...

2 ГОЛОС. Что в действительности?

ГОЛОС. На самом-то деле...

2 ГОЛОС. Что на самом-то деле?

ГОЛОС. Что?!

2 ГОЛОС. Что?!

ГОЛОС и 2 ГОЛОС. П О В Е С И Л С Я !!!

ОН. Не-е-ет !!!

2 ГОЛОС. Тихо... Сторожа разбудишь.

ГОЛОС. Ёк-макарёк, ну никогда не думаешь о других людях!.. Разве можно так жить в обществе? Могут ли окружающие любить такого гражданина?

2 ГОЛОС. Хотя бы уважать...

ГОЛОС. Толя, да ответь ты ему на его вопрос, что бы наш эгоист обрёл, наконец, покой.

2 ГОЛОС. Легко. Нет на тебе никакой вины в моей гибели, Петька. Начнём с того, что я не повесился, а мерзко, не эстетично... удавился на дверной ручке.

Ты об этом узнал от Анки, поэтому поменял массивную ручку на то-о-оненькую, едва заметную, которая и мышку-то не выдержит... Но я сам всё решил, в отрыве от кого бы то ни было. Это из-за любви. Неразделённой.

ОН. Значит, Анатолий-артист ни при чём?

2 ГОЛОС. Вовсе. Дело только в человеке.

ОН. Ты просто щадишь меня?

2 ГОЛОС. Говорю как есть.

ОН. И записки никакой не оставил...

2 ГОЛОС. Оставил.

ОН. Как?!.. Её не нашли.

2 ГОЛОС. Анка нашла. Она самая первая сюда зашла после того, как всё произошло... И я очень на это надеялся. На двух исписанных мной листках был простой адрес - «Анке». Там полная исповедь со всеми шокирующими и ниспровергающими...

ОН. Поделишься?

2 ГОЛОС. Не-а.

ОН. Я спрошу Анку.

2 ГОЛОС. Твоё право. Но в конце я приписал: «Никогда! Никому!». А она — ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК!.. Все мои похороны взяла на себя. Нынче, когда мамы уже нет, весной да осенью вижу на своей могиле только Анку. Ты ни разу не был, Петька. Василь-Иваныча до сих пор навещаешь. А меня?

ОН. Я съезжу.

2 ГОЛОС. Да ослепит и честь такая!.. Считай, что я сам выклянчил твой визит. Ромашек привези побольше — моих любимых.

ОН. Не уходите... Вы оба. Не покидайте меня никогда!

2 ГОЛОС. Не получится.

ГОЛОС. И так уж призадержались изрядно. Особенно я.

ОН. Посоветуйте что-нибудь... Поддержите!

2 ГОЛОС. Плохо тебе?

ОН. Очень нервно... Я постоянно чего-то боюсь, иногда и сам не понимаю, чего именно. Может, смерти? Пришло время её бояться...

ГОЛОС. Бояться смерти — бессмысленно: это мгновение. Тревожить могут те обстоятельства, которые предшествуют смерти... Из-под меня, прежде чем я преставился, почти два года вонючку выгребали — паралич навестил и не покинул... Вот этого никому не пожелаю. А смерть — избавление, более ничего... Ты, Петька, боишься одиночества.

ОН. Боюсь.

ГОЛОС. Тогда весь мой совет — в Саше! Обогрей его. И не только как молодого перспективного артиста, но и как сына. Может быть, именно он и согреет твои последние дни.

ОН. Ты прав.

2 ГОЛОС. Мой совет — отважься, всё-таки, преподавать. Тебя окутает юная энергия, ты омолодишься и физически, и духовно.

ОН. Не поздновато ли?

2 ГОЛОС. Попробуй.

ГОЛОС. Держись поближе к Анке. Теперь в театре лишь одна она может быть тебе истинной опорой, больше надеяться не на кого.

ОН. А я и так никому не доверяю.

ГОЛОС. С одной стороны, это печально, с другой — разумно... Ты уже не нужен.

ОН. Совсем не нужен как артист?

ГОЛОС. Скажем так, нужна твоя номинальность. Для театра престижно, когда на его подмостки выходят уважаемые Народные артисты... Но в их возрасте они легко заменяемы. Загримировать молодого под старого — разок плюнуть, а вот наоборот... Загнанная лошадь глубоко уважаема за свою жертву, но кому ж она нужна в своём загнанном состоянии?..

ОН. Её остаётся пристрелить?..

24.

2 ГОЛОС. Не обязательно. Лежи себе на травке да подымай спокойно...

Может, ещё и выживешь. Но полноценно функционировать уже никогда не

будешь.

ОН. А не завидуете ли вы мне?!.. Я здесь, вы — там. Я жив, а вы — нет. Я худо-бедно функционирую, о вас этого не скажешь.

2 ГОЛОС. Отчего же?!

ОН. А вас нет!!.. Вы — иллюзия, плоды моего воображения!

ГОЛОС. Ишь, как запел!.. Но мы вот с тобой общаемся, а коллеги — почти нет. Мы понимаем тебя, а им и не надо проникаться твоими возрастными болячками. Они здороваются с тобой и дежурно улыбаются. На языке психологии это называется «формальный авторитет». Ещё авторитет бывает истинным, но сие не про тебя. Всё дело в тебе. Ты давным-давно никого не допускаешь до себя, ни с кем не говоришь по душам. Исключение — Саша. Но ты для него — как радио — односторонняя связь. Старый Пётр Палыч вещает - юный Саша слушает. А остальные?..

2 ГОЛОС. Тебя же в театре никто не любит! Даже Анка.

ОН. Что за бред?!

2 ГОЛОС. Она общается с тобой как бы по старой памяти — целые десятилетия вы работаете в одном месте, есть что вспомнить. Но разве существует меж вами человеческая близость?

ОН. Она недавно сама вызвалась погладить мне рубашку!

ГОЛОС. Потому что предана театральному делу. А твоя теперешняя костюмерша гладит из рук вон хреново! Вот Анка и проявила благородную инициативу. Она и любому другому погладила бы — от природы сердобольна.

2 ГОЛОС. Погладить рубашку можно и врагу.

ГОЛОС. Да. Вопрос — с какой целью.

ОН. По большому счёту, и вы не любили меня, правда ведь?.. А сейчас просто интересно нервировать меня. Забавное времяпрепровождение. Вам, наверное, скучно. Сами-то вы кому нужны... там?

ГОЛОС. Хамить начинаешь?!

ОН. И не думал. Элементарно напоминаю, что это реальный мир. Мой мир!

2 ГОЛОС. Твой?!

ОН. Я делю его с теми, кто живёт и дышит вместе со мной, кто работает, кто любит или не любит, кто стремится, действует, побеждает, ошибается, прощает, прощается, встречается вновь, засыпает и просыпается... В ваш мир я не напрашивался: видать, ещё рано. Да вы бы, наверное, и не пустили. А коль уж ВЫ проникли сюда, то извольте не забывать, что хозяин здесь Я! Не нравится — досвидос!.. У меня пока хватает сил держаться в профессии и в жизни. Может быть, уже завтра я скопычусь, но этой доли не минует никто... Согласен, поступал я не всегда правильно, не всегда честно. От грехов своих не отрекаюсь... Но кой-чего достиг! Может быть, я что-то отнял у тебя, 25. Толя. Но то, что имеет один, отобрано у другого — иначе не бывает. Нужно быть сильным, и я это умею. Порой, конечно, раскисаю, сопли лезут, как у

ребёнка. Но ничего, опять собираюсь, сосредотачиваюсь на главном, и всё начинает получаться... И не надо считать меня рохлей, продемонстрировать ПРЕВОСХОДСТВО надо мной!

Раздаётся стук в дверь... Пётр Палыч не отвечает — стук повторяется.

Кто?!

3 ГОЛОС. Петь, эт я.

ОН. Господи!.. Напугала.

3 ГОЛОС. Ты там живой?..?

ОН. Думаешь, умер, а голос оставил?!

3 ГОЛОС. Ха!.. Если язвишь, значит, в порядке.

ОН. Чё те надо?

3 ГОЛОС. Вер-Сергевна сказала, что ты с вечера не уходил. Ночевал, что ль, тут?

ОН. Так вышло. А ты чего припёрлась в такую рань?

3 ГОЛОС. Хочу в гримёрочке прибраться да занавесочки новые повесить...

Почему не открываешь мне?

ОН. Я голый... Душой... Василь-Иваныч, это твоих рук дело?! Или твоих, Фурманов?!.. Вы её подослали?! Почему молчите?.. Обиделись?..

Протестуете?.. Алё! Гараж-гараж!.. Похоже, отправились восвоясеньки?..

3 ГОЛОС. Ты с кем там?

ОН. Над ролью работаю.

3 ГОЛОС. Над какой?

ОН. «Ричарда Третьего» даём — забыла, что ль?!

3 ГОЛОС. Твой бубнёж мало смахивает на Шекспира.

ОН. Ой, иди ты, родимая, в свою гримёрочку... Стой!

3 ГОЛОС. Чего?

ОН. Анка, ты красавица! Самый родной мне человечек!.. Будь, пожалуйста, здорова и живи ещё долго-долго!

3 ГОЛОС. ... Петь, ты, вроде, много лет уж не пил.

ОН. Трезвый я, трезвый.

3 ГОЛОС. Ничего не стряслось?

ОН. Всё в порядке. Ступай и делай окружающий мир лучше. В этом ты мастерица.

3 ГОЛОС. А давай чайку попьем?

ОН. Попозже. Времени у нас ещё навалом... Мне вечером вторую премьеру играть... Ань, если б Толя был жив, он бы сейчас лихо отбабахал Ричарда, ты согласна?

3 ГОЛОС. Нет. Это твоя роль! Мечтал о ней, наконец-то сыграл... Здесь ты всецело на своём месте. 26.

ОН. Льстишь мне?

3 ГОЛОС. Ни на процент... Ладно, я пошла.

ОН. Звук её шагов могу узнать безошибочно. И дело не в обуви. Её шаги слышу о-ох как давно! Они уж такие же родные, как и мои собственные. Она уходит... Как хочется, чтобы вместо удаляющихся шагов слышались... приближающиеся!.. Помню, в юности мне нравился звук именно удаляющихся шагов. Постепенное затихание, успокоение... Кто-то уходит, оставляет меня в покое — и слава богу. Я любил быть один, особенно дома, когда родители и бабушка уходили. Мы жили на первом этаже, кошка замячит, попросится на улицу - выкину её в форточку и остаюсь королём. Королём тишины!.. Вот и сыграл теперь короля — Ричарда Третьего... Вы!.. Как всегда, здесь. Что молчите? Перебирайтесь туда, в большой зал. Приглашаю всех! Посмотрите, оцените мою новую работу... Она очень ценна для меня тем, что я отстоял именно классического Шекспира! Наше действие происходит не на рынке, не на подводной лодке, не на космическом корабле и даже не в борделе. Я играю Ричарда не бомжом, не чокнутым профессором, не полисменом и не олигархом, а действительным королём. Мне удалось не сдать эту мою актёрскую позицию. И костюм на мне именно такой, какой должен быть на шекспировском герое. Но сейчас я... устал в нём находиться. Извините.

Пётр Палыч начинает раздеваться и постепенно облачается в повседневную одежду.

Тишина-а!.. Как я любил её слушать!.. Вслушиваться в неё. Так-то разобраться, абсолютной тишины быть не может, разве что в барокамере... Хоть какой-то микрозвучок неизбежно раздастся. Например, стук твоего же сердца. И абсолютный вакуум я постичь не могу. Как же это так — вообще ничего нет?!.. Изначально есть нечто, в котором ютится пустота, но сам объём-то наличествует!.. Я наслаждался едва уловимыми звуками тишины, её покоем. Когда рассказывал об этом знакомому физику, он спросил меня: а какую, мол, главную характеристику ты видишь у своей тишины? И я ответил: для меня это — **АБСОЛЮТНАЯ УВЕРЕННОСТЬ!** Тишина уверена в целесообразности и справедливости своего существования. Пусть кто-то и не согласится с ней, но она-то в себе утверждена на все сто... Но уверенность в себе — это хитрю-ю-ющая штука, которая помогает артисту только до определённого момента: при выходе на сцену коленки не трясутся — молодчина! Уверен в себе!.. Но когда ворчат: дескать, ты, милоч, что-то не то вытворяешь на площадке, необходимо прислушаться! И если твоя уверенность в себе в такой момент не отступает, это опасно! Она трансформировалась в самодурство, которое очень скоро может напрочь вышибить тебя из профессии!.. И знаете что, я теперь перестал 27. любить тишину. Усматриваю, точнее, услуживаю в ней какие-то подвохи, опасности... В соседней со мной квартире живут выпивохи. В целом, милые, дружелюбные. Муж и жена. Но водочка повязала их крепко-накрепко. Нахренячутся — горлопанят!.. Он её дубасит, потом — она его... Недавно

несколько дней подряд их совсем не видно и не слышно было, а я ловлю себя на том, что уже беспокоюсь: что случилось с моими соседями?! Какие б ни были, они живые люди, ничем не обидевшие меня... К счастью, обнаружались. Отъезжали куда-то. У меня от сердца отлегло. И подумалось: а вот если они долго не встретятся со мной во дворе, то беспокоятся?.. Или шут со мной? Что был, что не было. Но они-то вдвоём, а я... с котом... Сейчас Анка удалялась по коридору — такая тоска у меня в душе замутилась... Аж до тошноты. Мне стали нравиться приближающиеся шаги. Пускай даже это шаги того, кто не очень приятен мне, или ему — я. Но человек же... приближается! А если его цель совсем не я, то ничего страшного — иди себе мимо, но мне слышен звук твоих шагов! Это жизнь. Тишина — это почти смерть... Здесь вы для меня — как вариант смерти, не обижайтесь. А там, в масштабном зале, - настоящая бурливая жизнь!.. И наверняка есть любовь! Конечно! Она не просто есть, а полноправно царит в большом театральном зале... Но в моей жизни её нет, любви-то. И не было. Представляете, я никогда никого по-настоящему не любил, исключая разве что маму и бабушку. Изо всех сил пытался любить отца, но он очень рано оставил нас... Женщины влюблялись в меня и довольно часто. Я, разумеется, понимал, что решающая часть этих влюблённостей была связана не с человеком, а с артистом, но встречались и те, которые конкретно западали на плоть мою. Помню их возгласы: «Ты мой! Ты только мой!»... Подобное всегда раздражало донельзя, потому что я по жизни не позиционировал себя абсолютно ни с кем, и отвечал очередной возопившей: «Да не твой я, не твой! И вообще ничей. Я только сам свой!» Вступал с женщинами в приятельские, деловые или интимные отношения, использовал их, как водится, но и сам что-то отдавал им.. Женился на той, которая была приятна, не назойлива и удобна в быту. Совершал поступки, положенные мужчине и мужу, но какого-то трепета в груди, благородной преданности... нет, не испытывал. Жена родила мне сына!.. Забыл! Его я любил до беспамьтства! Или мне это казалось?.. Так или иначе, не уберёт ребёночка... На сцене умел играть, делать, выделять ЛЮБОВЬ. Это мнение зрителей. А в реальных деньках — не только любви, но и дружбы, если совсем уж честно, у меня не наблюдалось. Так — однокашники, потом — коллеги по цеху, приятели-соседи... Но настоящего друга, которого называют «второй половиночкой», судьба мне не подарила. Или подводила близко, да я прошёл мимо него, может быть, и не раз... А в перезрелые годочки друзья заводятся ой-ёй с каким скрипом! Людей-то вокруг по-прежнему полным-полно ходит, а вот на близкий контакт ни с кем идти уже просто не хочется. Побродишь в28. одиночестве по скверику перед подъездом - глядишь, спокойнее будет. Но разве веселее?!.. Василь-Иваныч! Фурманов!.. Где вы? Анка спугнула вас?.. Или обиделись, что я так попёр со своим эгоизмом?.. А с вашей стороны — не эгоизм ли?! Сделали Петьку виноватым, ретировались — и всё. «И не

было у Дон Жуана донны Анны»!.. Вот так я выгляжу в жизни, без костюма и грима (Он уже переодет). Что, более блёклый? Менее интересный?.. Честное слово, многие крупные служители искусства в жизни скучноваты, а случается, и невыносимы. Парочку раз бывало такое, что мои поклонницы, познакомившись со мной, были... разочарованы. Видать, ожидали чего-то совсем иного. Главная околотеатральная иллюзия состоит в том, что зрители отождествляют то, что они видят на сцене, с тем, что якобы (по их разумению) должно быть в жизни. Актёр с актрисой играют на сцене интим — стало быть, в жизни они муж и жена. Ну, на худой конец, любовники. Одно из другого не вытекает. Бывает, конечно, по-разному, но где ж на всё набраться энергии?.. Энергию даст мне Толечкин перстень! Верю в его силу! Этот маленький хранитель таланта будет истово сверкать, освежая мой возраст и, хочется верить, мою память... (Смотрит на свою кисть, а на пальце, конечно же, ничего нет) Ах, да... Понятно. Но он есть! Неужели вы его не видите?!.. Главное, что он сверкает для меня! Я не сниму его. Никогда. И никому не нужно будет объяснять да врать — откуда он... Мне пора домой, дорогие мои: кот, бедный, голодный!.. Я ж для него не Народный артист, а простой хозяин, который обязан заботиться и кормить, коль завёл живое существо... Мне нужно поспать перед вечерним спектаклем, набраться сил, а то ведь я уже немолод. Но должен выдавать со сцены качество!.. И никакой уж я не Петька... Всё это в далёком прошлом. Анка надясь вспоминала о том, что я — единственный (!) Пётр, который актёрствовал и актёрствует в этом театре. Больше артистов с таким именем здесь не встречалось. Так что я... ПЁТР ПЕРВЫЙ! Думаю, что имею право на такое погоняло... Василь-Иваныч! Фурманов!.. Услышу ли вас вновь? Вы — драгоценные странички моей жизни, но... перевёрнутые. Может случиться так, что больше не ответите мне. А вот Сашенька ответит! И сам спросит, и я отвечу ему... Сыночек названный! Сам того не зная, он поможет мне верить в то, что мой генетический сынок Виталик... жив!.. Уходя, душевно обещаю ещё поработать. Клясться ни в чём не буду... А я ведь и не клялся ни разу в жизни. Это совершенно не нужная ответственность. И вы не клянитесь. Просто живите. Как можется. Как получается.

Пётр Палыч по-хозяйски оглядывается, неспешно выбирает из массы букетов те цветы, которые хотел бы отнести домой... Отпирает дверь, уже собирается ступить во тьму коридора, но вдруг... поворачивается и вновь приближается к воображаемым зрителям.

Ан нет!.. Есть кое-что, в чём я могу поклясться безо всяких опасений, что не сдержу клятву. Ей-богу, я никогда не приму участия в пьесе «КОФЕ С ЛИМОНОМ ДЛЯ СТАРОГО ПЕДЕРАСТА»! Уж в чём, в чём, а в этом вы

можете быть ну абсолю-ю-ютно уверены!!

Пётр Палыч низко кланяется и уверенной походкой удаляется.

ГОЛОС. Толь, как ты думаешь, он... идиот?

2 ГОЛОС. АРТИСТ!

3 ГОЛОС. Петя!.. Мож, чайку?

ДМИТРИЕВ, ИЛЬЯ БОРИСОВИЧ

410017, Саратов, Шелковичная, 12, кв. 48.

dmitriew.999@mail.ru

Mob. 8-96-03-40-03-96

Авторские права защищены

Саратов, 2015 год

